

И. Борис Григорьев. К его новой выставке в Нью-Йорке // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1938. 9 января. № 9106. С. 3.

Борис Григорьев

И его новой выставке в Нью-Йорке

Б. Григорьев.

Старик. (Раса.)

Борис Григорьев. «Перед работой». Одна из последних работ художника, которая будет показана на открывающейся завтра выставке в Нью-Йорке.

Б. ГРИГОРЬЕВ.

Автопортрет.

Б. Григорьев.

Старуха. (Раса.)

бородами раскрывающаяся земля, и светит слеза с кордовой, глаза которой еще плачут-звонят сейчас криком о том, что думает эта жуткая старуха. Но бросить камень в нее нельзя. Она так много жила, видела, работала, страдала в жизни, что под конец, выходящая из лап, имеет право быть такой.

«Старик» (тоже «Раса») — крестьянин близок к старухе по своему опыту и знанию. Он видит историю. Русский мужик какой-нибудь центральной губернии из медвежьего угла. Волею судеб он сойчас «хозяин» барского помещичьего дома, в лапках которого художник его и изобразил. Унылый взгляд старика совсем не знает жалости, сострадания. Он странно равнодушен, как сама жизнь и природа.

«Мальчик» (тот-же цикл «Раса») с раскрытыми большими глазами, разбитым приплюснутым носом, давно нестриженным, немой застывает сжимается сердце, — так много в нем знакомой боли. Характерны для Григорьева глаза его портретов, их устремлен-

глаз, то, что он хочет видеть. Только таким путем художник начинает выявлять свою душу, и он и его искусство становятся нераздельным целым.

Такой поворот свидетельствует прежде всего о нежной неуверенности большого таланта, о настоящих исканиях художника, о его готовности всегда и во всем служить искусству. И только искусству.

Такой поворот свидетельствует о необычайном душевном размахе, о победе над самим собой, о восторге перед открывшимся для художника миром вечной красоты. Здесь художник уже удаляется от толпы. Он поднимается слишком высоко над нею. Здесь она его не всегда поймет, и он не будет иметь прежней популярности.

В истории русской живописи имя Григорьева вписано крупными буквами. И.

Б. Григорьев. Подгорный. — Стул. Трофимов. (Вишневый сад).

ность, напряженность, исконность и громадная сила. Таким же иконным образом написан и «Шар Федор Иванович» в исполнении Качалова. Тот же образ, но в исполнении Москвина, написан совсем иначе, но их роднит одно общее: молниеносный порыв и злая обреченная жертвенность.

Из крепкого дуба вытесана фигура бовина Луки Клешиина, одессита из тех, кто «сколывал Русь». «Чеховский студент Трофимов» — тасканье артиста Подгорного и Григорьева, показан ограниченный фанатизм, которому надо было жить, что через 200 лет на Руси все будет хорошо, и он хочет создать этот рай сейчас-же, с помощью хотя бы того же сабоя.

В творчестве Григорьева большую роль играют его исторические картины. Художественный театр уже за гробом. Такие портреты, как «Евдочья сестра» и «На дне», до сих пор так же актуальны, как и в те времена, когда они были написаны. «Восстание Пугачева» — истинная жемчужина. Артист Александров в роли Пугачева — незабываемый образ.

Познание картины Григорьева — это уже искусство, искусство для самого себя. Самоотверженно ищешь, где нет ни «Раса», ни «Раса», а только торжественно-грозное изображение, освободившееся от всякой связи с действительностью, а духа и жизни — чистой красоты.

«Всю свою жизнь», — говорит художник, — я боролся над формой, над наукой искусства. А теперь я пришел к выводу, что форма нет, а есть только движение формы. Нет ни теней, нет ни света, а есть только теплые и холодные краски. Художник инстинктивно кладет те и другие и этим незаметно передает свет и тень. Тогда всякий академизм отпадает и художник передает не то, что есть, а то, что видит его

Б. Григорьев. Башкеев. — «Лука Клешиин». «Федор Иванович».

Б. Григорьев. Александров. — «Актриса» («На дне»).

Б. Григорьев.

Мальчик. (Раса.)

БОРИС Дмитриевич Григорьев родился в Москве. Учился в рисовальной гимназии, затем в Московском Императорском Строгановском Художественном училище. В 1912 году окончил Академию Художеств, вступил в этом году в «Мир Искусства». С 1912 до 1914 года Григорьев работает в Париже, где создает цикл «Парижских рисунков» — а вместе с тем и своеобразный стиль собственного письма.

Оставив Россию в конце 1919 года Григорьев устраивает собственные выставки в Риме, Лондоне, Милане, Мюнхене, Дрездене, Нью-Йорке, Бостоне и много раз в Париже, где с 1921 года он вступает в художественную организацию «Осенний салон». Здесь картина его признается лучшим творением.

Кроме музея Александра III и Третьяковской галереи картины Б. Григорьева висят в музеях Москвы, Петербурга, Берлина, Мюнхена, Сан-Франциско, Нью-Йорка и многих других городов.

Это — краткий биографический очерк. Говоря же о «Расах» художника, нужно прежде всего сказать, что его интересует, главным образом, именно человеческие лица, а в особенности — глаза и руки.

В первый период своего творчества Григорьев обращался только к человеку, пытаясь разгадать его личность, которая давно уже поразила его. Может быть, предвещая это еще в раннем юношестве, когда он не отходил себе в этом отчета. По матери он скандинавский, а влившись матери на него было велико. Одурачившая русская, немцами провинциализация и даже деревенская обстановка совершенно не вязались с Европой, с большими требованиями к человеку, созданным по мерке чуть ли не Ибсена и Ницше.

Мучимый от знания своим несоответствием своему с действительностью, Григорьев вошел в возраст молодого человека с беспомощностью, с раздвоенностью, с протестом, с какой-то дерзостью и обидой, что и сказалось сразу на его художественно-булгарской деятельности, вызвавшей недоумение и недоверие профессоров и академиков.

Этот период сказался у Григорьева характернее всего в линиях рисунка, своеобразной, каприз-

ной, невероятно смелой, дерзостной, легкой «непривлекательной» с точки зрения красоты.

Постыла себе задачей «найти человека», Григорьев перешел к ней с громадным талантом, удивительным в своих силах, блестяще уже овладевший техникой письма, но без душевного мира, мудрого зоркого и того спокойствия, о котором Пушкин сказал, что оно есть необходимое условие прекрасного.

Затем наступил октябрь... Все, что тогда поднялось из подполья, показало второе лицо русского человека — не то лицо, которое создавало чудесные песни, сказки, крепкий быт, уютно в труде, изредка молитву, красивый храм, полки на войне и в жизни, а лицо мученическое, поноженное, алого пьянства, невероятной жестокости, ограниченности, тупости, глупости, нахальства... Что-то ужасно примитивное, элементарное этого лица больно ударило Григорьева. Вызвало в нем цепляющуюся к словам ненависть. Подраздало его примитивный романтизм, ибо весь реализм Григорьева ничем не прикрытый, безжалостный, есть только месье за поруганное, неуспешные высшие идеалы. В результате этого возникла знаменитая «Раса», создавшая ему мировую славу, известность в Европе и Америке, обратившая внимание на русского художника, раскулачив его «Раса», перепечатывая снимки в газетах и журналах. Европейцы видели в этом подтверждение того, что большевикам — это плоть русского человека. Среди русских за рубежом «Раса» Григорьева вызвала негодование и обиду.

Однако, в этом надо разобраться внимательно. Прежде всего — «Раса» была переходным явлением, одним из этапов развития творчества. В русской литературе цикл этих картин можно сравнить с «Мертвыми Душами» Гоголя, автор которых сам терзался изображением самим же созданных героев.

Если в общей своей совокупности «Раса» лишена намека на что-либо истинно человеческое, то отдельные картины дают очень много. Так, например, «Старуха», «Старуха Григорьева сурова, жестока, бессердечна, нагата неумолимыми морщинами, как глубокий